УДК 159.9.

СОВЕСТЬ КАК МНОГОГРАННЫЙ ФЕНОМЕН. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2009 г.

М.В. Рукавишникова

Шуйский государственный педагогический университет

umka-76@list.ru

Поступила в редакцию 21.04.2009

Исследуется феномен совести в рамках этимологических представлений, выделяются основные значения, объясняется развитие и функционирование феномена в языке, философии и этике.

Ключевые слова: феномен, совесть, анализ, этимология, нравственность, долг, стыд, этика, добро, synderesis, conscientia, душа, сознание, мораль.

Провести целостное исследование феномена «совесть» невозможно без опоры на анализ языка, поскольку лингвистическое исследование слова способствует глубокому и целостному изучению того или иного явления. Знание первоначального значения слова, его этимологии небезразлично для понимания его нынешней структуры. В связи со слабым обращением современной философской науки к информационно богатым этимологическим и лексикографическим пластам знания, представляется необходимым провести подобное исследование.

Термин «συνείδησιζ», к которому возводят совесть, впервые появляется у Демокрита. Он использует его в специфическом нравственном смысле – как осознание совершенного злодеяния. Но в понимании Демокрита совесть тесно связана с долгом и стыдом. Человек должен учиться стыдиться самого себя. Философ писал, что в душе каждого должен быть начертан закон: «Не делай ничего непристойного». Долг предъявляет общество, но человек добровольно следует его предписаниям, улучшая свою природу.

Термин «συνείδησιζ» был популярным понятием, как отмечает в своем труде «Нравственное богословие» архимандрит Платон. Оно употреблялось для выражения идеи, опыта, знания о внутренней реальности, с которой сталкивается человек в процессе самоанализа. Совесть понималась как определение нравственной оценки своих поступков, в первую очередь злых, поскольку они заметнее. Таким образом, начиная с самого начала бытования понятия, оно включает в себя значение знания, нравственной оценки.

Демон Сократа также имеет отношение к понятию совести, хотя указания демона касались не столько нравственной оценки поступков, сколько их внешнего успеха, и поэтому более напоминают предсказания оракула, чем голос совести. Философ требовал от каждого не скрывать, а «выставлять на свет» совершенную несправедливость и не жалеть красноречия для того, чтобы «обвинить прежде всего самого себя», что представляет как бы экстериоризированный вариант того контрольного механизма, который получит название совести.

Аристотель, среди заслуг которого можно назвать определение и классификацию наук, считал разум основой всякой деятельности человека, в том числе и познавательной. Мышление, согласно Аристотелю, является отличительным признаком человека, его жизни и индивидуальности, составляет истинную сущность человека, оно правит нами, ведет нас к прекрасному и божественному, «…будучи то ли само божественным, то ли са́мой божественной частью в нас…» (X 7, 1177 a 15) [1]. Благодаря мышлению человек совершает правильный выбор в своих действиях и поступках, стремясь к достижению счастья, воплощению в жизнь этического идеала. Но в области этики недостаточно быть созерцателем, имеющим теоретические знания, столь любимые Аристотелем. Необходимо обладать добродетелями, стремиться к их воплощению: «Итак, поскольку нынешние [наши] занятия не [ставят себе], как другие, цель [только] созерцания (мы ведь проводим исследования не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой [науки] не было бы никакого проку), поскольку необходимо внимательно рассмотреть то, что

относится к поступкам, а именно ка́к следует поступать» (EN II 2, 1103 b 25) [1]. Деятельность, направленная на реализацию этического идеала, и носитель этого идеала – человек – нераздельны. Аристотель при этом понимал человека только в рамках общественно-политических. Но нельзя резко противопоставлять теоретические знания и практику, поскольку Аристотель не делает резкого разграничения между нравственным поведением и наукой о нравственности.

В учении Аристотеля определяется приоритет разума над чувствами, это является необходимым условием для правильного выбора человека, целесообразного образа жизни и поступков. Любое действие человека является свободным, добровольным. Возможно обладание нравственными представлениями, а отсюда вытекает и ответственность за свои действия. Человек властен в выборе между добром и злом, но свое влияние оказывают и привычки человека, полученное им воспитание и заложенные «от природы» задатки (EN III 7, 1114 b 5) [1]. Для воплощения добра необходима не только волевая сознательная деятельность, но и известное душевное состояние, при этом намерение человека предполагает, что добро должно быть совершено само по себе. Даже стремление к прекрасному может характеризовать человека как добродетельного без совершенных им действий, это было бы возможно, если бы мы увидели совесть человека. Добро у Аристотеля тесно связано с совестью: «Так называемая совесть, которая позволяет называть людей совестящимися и имеющими совесть, – это правильный суд доброго человека. Это подтверждается вот чем: доброго мы считаем особенно совестливым, а иметь в иных вещах совестливость считаем свойством доброты. Совестливость же – это совесть, правильно судящая о том, что есть доброе, а правильно она судит, когда это поистине [доброе]» (Z 11 20, 1143 a 20) [1]. Рассуждая далее о совести, Аристотель говорит, что если человек способен судить о том, с чем имеет дело рассудительность, то он соображающий, добросовестный или совестящийся, поскольку доброта – это свойство вообще всех добродетельных людей. Совесть существует для поступков, которые, в свою очередь, являются последней данностью. Нельзя быть от природы мудрым, но совесть, соображение и ум – заданы от природы, с возрастом эти способности проявляются, так что определенный возраст обладает умом и совестью. Аристотель ставит на первое место разум, которому подчинена совесть. Идеал для него – созерцательная жизнь. Он высоко ценит традиционные добродетели античного мира: разумную мудрость, практическую мудрость, умеренность, щедрость, правдивость, мужество, справедливость, дружбу, Но у Аристотеля нет любви в понимании христианства, философ ограничивается в отношениях доброжелательностью, нет у него и идеи равенства людей перед Богом.

Из стоиков в особенности Сенека указал на чистоту совести как на источник самоудовлетворенности и на укоры совести как на наказание за проступки. Сенека и Эпиктет указывают на важность показаний совести и на относительно малое значение мнения ближних. До нас дошли письма Сенеки к Луцилию, в которых представлены рассуждения Сенеки о совести: «…Священный и высокий дух пребывает внутри нас, и ведет учет всех наших добрых и злых поступков, и является стражем или мстителем за наши дела. Как мы обращаемся с ним, так и он обращается с нами». Поздние стоики и Цицерон предметом совести человека считали чистоту его собственных добродетелей.

Греки считали, что совесть – не всегда непреложный указатель правильного пути, что существуют и ошибки совести; но только в христианстве дана почва для учения о совести.

В посланиях апостола Павла мы встречаемся с анализом совести; так, например, в Послании к римлянам, апостол Павел рекомендует послушание властям не только из страха наказания, но «и ради совести». Он признает рост совести и различает ступени совести (греч. συνείδησις ἑαυτοῦ и греч. συνείδησις ἑτέρου), причём не только разумеет под совестью явление религиозной жизни, но прямо ставит её в связь с практическими целями нравственности.

Иоанн Златоуст первый заговорил о свободе совести; он неоднократно изображал неподкупного судью и указывал, что совесть — достаточный путеводитель для достижения добродетели.

В средневековой литературе углубление анализа феномена совести было опосредовано появлением особого термина – «synderesis» и формулированием дополнительного по отношению к традиционному латинскому «conscientia» понятия. Этот термин впервые встречается в комментариях св. Иеронима на книгу пророка Иезекииля, в которых он указывал на необходимость добавления к платоновским частям души (разумной, яростной и

вожделеющей) еще одной: той, которая заставляет человека чувствовать свою вину и мучиться от совершенного греха.

В схоластической философии через феномен synderesis обозначается повелевающая часть души, внутреннее знание принципов, в отличие от «закона разума», внушенных человеку Богом. **Совесть-synderesis** трактовалась как **способность или привычка суждения** о правильности действий с точки зрения «изначальной правильности», чувство которой сохранено в душе человека несмотря на грехопадение, и как **способность воли** к совершению правильных действий. В то время как **совесть-conscientia** – это **способность** человека **оценивать** конкретные поступки как добрые (хорошие) или злые (плохие). При этом гносеологический статус этих способностей трактовался различно.

В средние века в схоластической литературе совести отводится значительное место. «…Традиция толкования совести и синдересиса, сложившаяся в рамках схоластического дискурса высокого Средневековья, представляет собой отличительную особенность христианской, неизбежно морализирующей парадигмы европейского философствования» [2]. Духовнику на исповеди приходилось решать различные вопросы жизни и разрешать различные сомнения. Вследствие этой практической потребности появились казуистические толкования (различные Summae, например Artesana, Angelica).

Наряду с анализом casus conscientiae шло теоретическое обоснование этических вопросов, в согласии с основными понятиями христианского миросозерцания; древнее учение о четырёх добродетелях получает более глубокое обоснование, которое необходимо приводить к рассмотрению вопроса о совести.

Значение συνείδησιζ как сознания, в первую очередь, своей греховности, приводится в греческо-русском словаре: «συνείδησιζ, εως *ж.р.* 1) сознание; έχω συνείδησιζ άμαρτιών сознавать свою греховность (Евр. 10.2); 2) совесть» [3]. Как сознание переводится и латинское слово conscientia.

Давая определение совести, Макс Фасмер в своем словаре пишет: «Совесть, род.п. – и. Заимств. из цслав., ст.-слав. *съвъсть* τόσυνειδός (Супр.) – калька греч. συνείδησιζ «conscientia» (Булич, РФВ 15, 361; Урбенгаун, RES 12, 39). Подробнее см. сл. *ве́дать*» [4]; И.И. Срезневский, определяя феномен совести, приводит такие значения: разумение, понимание; знание, ведение, согласие; совесть; чистота [5]. Анализируя письменные памятники, И.И. Срезневский показывает, что слово «совесть» употребляется в древнерусском языке с XI в. в переводных памятниках, в частности, «XIII слов Григория Назианзина», «Архиепископ Амфилохий. Словарь из Пандекта Антиоха по сп. XI в. Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки». Оно встречается в сборнике Святослава, относящемся к 1076 году: «Молися въ чисте съвести и Бог послушает тебе»; в кормчих книгах, служебниках, служебных минеях, посланиях, поучениях. В письменных памятниках, как показывает И.И. Срезневский, совесть понимается как сложный феномен: от нее можно отпасть, совесть принимает слова, совесть и ум необходимо очищать, делать нужно с совестью, свобода зависит от совести, мучения совести понимаются как казнь, ее нужно соблюдать чистой, совесть и разум тверды и чисты, сеять святые и духовные трапезы нужно с чистой совестью во оставление грехов, совесть может быть дряхлой, в Божью церковь надо приходить с чистой совестью, можно испытывать угрызения совести, она может быть благой, пресветлой, непостыдной.

В восточно-славянских языках совесть, в своей наиболее ранней форме *съвъсть*, повсеместно в письменных памятниках встречается начиная с X века, в переводах и компиляциях симеоновский эпохи: в Словах пресвитера Козьмы, Изборниках Святослава, переписанных с восточно-болгарского оригинала, часто используется в Супрасльской рукописи X века. В украинском языке – со́вість, со́вісний, со́вісно; болгарское – съвест; с.-хорватское – са́вест (sávjest); словенское – vest, vesten, védeti. Как отмечает П.Я. Черных, слово «совесть» происходит, возможно, из старославянского языка и употребляется для передачи в переводных памятниках греческого συνείδησιζ – совесть, сознание, совместное знание (для сравнения: σύνιδα – узнаю вместе (συν-) с кем-либо, сознаю) [6]. Общеславянский феномен – sъvestь понимается как (по)знание, получаемое вместе с кем-либо. В западно-славянских языках термин «совесть» отсутствует.

Обобщение результатов многочисленных исследований в области этимологии слова «совесть» позволяет выделить в индоевропейских языках общий корень «ведать». Н.М. Шанский приводит такие языковые изменения: «Ведать (знать). Интератив к общеславянскому *вести* (*е* из

«ять») «знать», возникшему из **ъ́ědti* после изменения dt>tt>ст и «ять»>е» [7]. У Макса Фасмера мы обнаруживаем: украинское – *вíдати*, древне-русское, старославянское *вѢдѢти*, словенское *védeti*, чешское *vědĕti*, словацкое *vedet'*, польское *wiedzieć*. Отсюда настоящее время старославянского **вѣмь, вѣси, вѣсть/вѣ** и т.д., чешское vim, víš и т.д., древнерусское, старославянские **вѣдѣ** «я знаю». Чередование гласных представлено в *ви́деть*. ‖ Древний пф. старославянского **вѣдѣ** с и.-е. окончанием ср. з. –ai, как в латинском vidi, соответствует греческому οἶδα «я знаю», др.-инд. veda – то же, авест. vaēda, гот. wait «я знаю», арм. gitem – то же [4].

В некоторых языках (греч. συνείδησις, лат. *conscientia*, фр. *conscience*, итал. *coscienza*, англ. *conscience*, нем. *Gewissen*) это слово образовано из корня, обозначающего знание (вед), и приставки «с»; это образование указывает на близкую связь, в которую народная мудрость ставит понятия совесть и сознание.

Анализируя происхождение термина «совесть», В.В. Колесов считает, что из нескольких вариантов кальки с греческого συνείδησιζ, которое выражает идею самосознания моральной ответственности за свои действия и поведение перед собой и перед обществом, воплотившейся в нравственных принципах, в русском литературном языке закрепляется вариант *съвѣсть* [8].

В своих работах А.Х. Востоков, Макс Фасмер, В.В. Колесов, П.Я. Черных и ряд других исследователей дают следующие данные по формированию термина совесть: совесть – **съвѣсть** – **совѣсть** – слово, заимствованное из старославянского языка, где оно являлось словообразовательной калькой греческого συνείδησιζ conscientia. В.В. Колесов дает объяснение этому необычному явлению, говоря, что для народно-разговорного языка нехарактерно прояснение слабого редуцированного, в данном случае – ъ в том случае, если он не имеет параллели с гласным полного образования. В вопросе с феноменом совести этому способствовала ранняя оттяжка ударения на еровую приставку, что является несомненной акцентологической особенностью церковно-славянского языка в его русском варианте. В XVI веке новгородские и псковские рукописи еще сохраняют первоначальное ударение (*совѣ́сть*). Московские письменные памятники этого периода используют только церковно-славянский вариант, где *совѣ́сть* уже утрачивает связь с производящей основой *вѣд*. А в силу того, что нормы литературного языка складываются в московских пределах, русский язык усваивает феномен в форме «совесть».

В русском языке представлен ряд форм, образованных от слова «совесть»: бессовестно, бессовестный, совестить, совестливо, совестно, совестливость, усовеститься (разг.), усовещивать, усовестить, совестный, усовещиваться и т.д. Эти словоформы могут употребляться в значении стыдить. «Стыдно» выступает как эквивалент «совестно» у А. Преображенского [9]. На такое соотношение указывает и В.В. Колесов [8]. Он отмечает, что разговорное понятие «стыд» соотносимо с литературным термином «совесть» и, обращаясь к исследованиям Б.А. Ларина, представляет четкую схему значения слов «стыд», «срам» и «студ». Первоначально они служили обозначению холода как явления природы и физиологически определяемого болезненного состояния человека, затем значение постепенно сужается до обозначения аффекта стыда, социально-оценочного «позор, поношение». Это развитие шло путем метонимии от «стыда наготы» через обозначение интимных действий и частей тела к пороку. Первоначально в языке бытовала синонимическая пара «стыд (студ)» как появление индивидуальной совести и «срам (сором)» как отстраненно-объективированное отношение коллектива, в котором соответствующие проявления совести имеют свою ценность. Подобного рода синонимические пары – характерное явление для русского языка, например, честь – слава, радость – веселье, беда – горе и т.д. По мере обобщения точки зрения на нравственные отношения эта семантическая модель претерпела известные изменения. Это произошло постольку, поскольку древнее противопоставление индивида самого по себе и индивида как проявления и воплощения общества потеряло свою актуальность. После этого происходит устранение дуализма понятий и замещение синонимической пары «стыд – срам» одним словом «совесть». В русских говорах не представляется возможным отделить историю слова «совесть» от истории слова «стыд». В.И. Даль в своем словаре приводит такой пример: «В ком стыд, в том и совесть (страх)… Совестить кого, усовещивать, стыдить, заставить стыдиться» [10].

В тексте Библии «совесть» появляется начиная с апостольских времен, т.е. не ранее I в. н.э. В Евангелиях она встречается лишь один раз в Евангелии от Иоанна: «Они же услышав

то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая среди» [11]. Здесь идет речь о блуднице, приведенной фарисеями к Иисусу Христу, чтобы Он осудил ее. В.В. Колесов считает, что употребление в данном тексте слова «совесть» является позднейшей вставкой, т.к. в латинском переводе IV века и в древнеславянском переводе IX века оно не встречается, там употребляется слово «сердце». Славянская калька греческого термина появляется позднее в связи с интенсивными переводами учительной литературы. В древнейшем славянском переводе Апостола, συνείδησιζ переводится не только словом «съвѣсть», но и славянским «обычай». Но в ситуации с Евангелием от Иоанна, в «Настольной книге священнослужителя», отмечается: «В русском тексте Евангелия слово «совесть» употребляется только раз: там, где говорится о прощении женщины, взятой в прелюбодеянии. Здесь дано непосредственное столкновение Закона, требующего побивать таких грешниц камнями и собравшего для этой цели толпу разъяренных людей, и совести, которая наедине обличала в том же грехе каждого человека этой толпы, уже державшего в руке камень… Совесть ставит каждого перед молчаливым свидетельством внутреннего света…» [12]. Совесть имеет здесь нравственное значение, а не просто соблюдение обычая, как более узкого явления.

Являясь калькой греческого «συνείδησιζ», слово «совесть» появляется в древнерусском языке не ранее X века в переводных текстах для передачи нравственных понятий. Как считает В.А. Маслов [13], в русском языке совесть – это нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных желаний и побуждений. Согласно словарю С.И. Ожегова, совесть – это чувство нравственной ответственности за свое поведение перед людьми, обществом [14]. Совесть понимается как внутреннее сознание моральности своих поступков, категория этики, включающая проблемы нравственного самоконтроля личности, способности самостоятельно формулировать для себя моральные предписания, требовать от себя их выполнения и оценивать свои действия.

Этическое понимание феномена совести представлено как эмоциональный феномен, морально-психологический механизм, включающий функцию самоконтроля, орудие нравственности, специфически нравственное чувство сознания вины, личностная категория, сознание и чувство моральной ответственности, личностная оценка фактов – в отличие от страха и стыда совесть автономна, способность к активному самопознанию, индикатор соответствия индивидуального поведения высшим моральным предписаниям – божественным и человеческим, ограничитель свободы.

В философии феномен совести – явление многозначное. Но его наполнение зависит от идеологического настроя общества. В 60-е годы прошлого века отмечается понимание совести как комплекса эмоциональных переживаний, ответной реакции на требования общества, сознания моральной ответственности, явления, имеющего социальную природу и зависящего от классовой принадлежности. В дальнейшем наблюдается изменение в понимании феномена, и совесть объясняется как категория этики, отмечается релятивистское происхождение совести, она не порождает, а закрепляет и воспроизводит ценности и оценки, выработанные в обществе: высшая способность личности, самооценка на основе ответственности перед обществом, общественно воспитуемая способность человека, изначальное нравственное побуждение, высшая способность.

В патристике и связанной с ней традиции совесть понимается как внутреннее чувство, определяющее ценность, духовность, законность, долг, мораль, этику, это оценка действий с точки зрения добра и зла, мысль, помышление, голос Божий, нравственный Божественный закон, судья, законодатель, мздовоздаятель, основа нравственности, нравственный итог, главенство в нравственной жизни, врожденное чувство, данное Богом, учитель, обличитель. Исходя из такого понимания совести, она приобретает и соответствующие эпитеты: кристальная, кристально чистая, непогрешимая, чистая, замутненная, усыпленная, черная. Она может пониматься как благоговение, любовь (в широком смысле – как светлое нравственное чувство), трепет, преследователь, мучитель, докучливый собеседник, она наказывает и милует, диктует, это процесс без завершения.

В патристическом понимании совести прослеживается традиционное для русского менталитета духовное понимание феномена, тогда как словари и энциклопедии предполагают психологический подход к определению совести.

Полученные лингвистические – лексикографические и этимологические данные свидетельствуют о понимании совести как феномена нравственности, воспринятого в таком понимании первоначально богословской литературой, а затем вошедшего в широкое употребление как явления многозначного, отражающего внутреннее состояние человека.

Список литературы

1. Аристотель. Этика. М., 2006. 492 с.
2. Душин О.Э. Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI вв. СПб., 2005. 156 с.
3. Греческо-русский словарь Нового Завета. Перевод краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана. М., 2006. 239 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III. М., 1987. 832 с.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. М., 1958. С. 679–680.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 томах. Т. II. М., 1990. 560 с.
7. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М. 400 с.
8. Колесов В.В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб., 2004. 703 с.
9. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1910–1914. 420 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. IV. М., 2002. 688 с.

11. Евангелие от Иоанна, гл. 8, стих 9 // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 2005. 560 с.
12. Настольная книга священнослужителя. Том 8. М., 1988. 700 с.
13. Маслов В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Учеб. пособие. М., 2004. 296 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. 924 с.

THE PHENOMENON OF CONSCIENCE FENOMENOLOGICAL AND LEXICOLOGICAL ANALISIS

M.V. Rukavishnikova

The phenomenon of conscience within the limits of etymological representations is researched, major importances are designated, developing and phenomenon functioning in language, philosophy and ethics speaks.

Keywords: the phenomenon of conscience, morals, moral imperative, shame, ethics, good, goodness, synderesis.